

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 7–19.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2022; 4 (77): 7–19.

Научная статья
УДК 94(47).045
DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.001

Эволюция церковного суда в России в первой половине XVII века *

Вячеслав Николаевич Козляков

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
v.kozliakov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Одним из сложных и «наиболее беспокойных» (Б. Д. Греков) вопросов церковной истории является проблема изменений в сфере церковного суда после введения Стоглава 1551 года и принятия патриаршества в 1589 году. Помимо внутренних церковных перемен на взаимоотношения государства и церкви оказывали воздействие события Смуты начала XVII века. В настоящей статье изучаются юрисдикции церковного суда в России в первой половине XVII века. Рассматриваются несудимые жалованные грамоты патриархам, митрополитам и архиереям, выданные после Смутного времени. Особое внимание уделяется жалованной грамоте патриарху Филарету от 25 мая 1625 года, даровавшей патриарху право судить священнослужителей и людей патриаршей домово́й вотчины «во всяких управных и духовных делах». Подчеркиваются сходство и отличия в формулярах грамот 1620-х годов новгородским и казанским митрополитам, Рязанскому и Коломенскому архиепископам. Изучаются документы о взаимоотношениях церковных архиереев с воеводами, также обладавшими правом судебной власти на местах. Дается характеристика сочинения Новгородского митрополита Киприана «Церковно-судебные определения». В работе анализируются перемены в деятельности церковного суда, появившиеся в начале 1640-х годов в связи с принятием Соборного уложения 1649 года. В статье делается вывод об упорядочении суда с людьми церкви, «выравнивании» судебных прав по искам служилых людей и стремлении ограничить церковную юрисдикцию исключительно делами духовного суда. Работа может представлять интерес для историков, изучающих проблемы эволюции церковного суда в России в разные исторические периоды.

Ключевые слова: церковный суд, жалованные грамоты, духовные дела, патриарх Филарет, Новгородский митрополит Киприан, Соборное уложение 1649 года.

Для цитирования: Козляков В. Н. Эволюция церковного суда в России в первой половине XVII века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 7–19. DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.001](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.001).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00850 «Частная жизнь в России XVII в. (по материалам церковного суда)».

The Evolution of the Church Court in Russia in the First Half of the XVII Century

Vyacheslav N. Kozlyakov

Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

v.kozliakov@365.rsu.edu.ru

Abstract. One of the complex and “most disturbing” (B. D. Grekov) issues of church history is the problem of changes in the sphere of church court after Stoglav in 1551 and the adoption of the patriarchate in 1589. In addition to internal church changes, the relationship between the state and the church was influenced by the events of the Time of Troubles early 17th century. This article is devoted to the study of the jurisdiction of the ecclesiastical court in Russia in the first half of the 17th century. The untried letters of commendation to patriarchs, metropolitans and bishops, issued after the Time of Troubles, are considered. Particular attention is paid to the letter of commendation to Patriarch Filaret on May 25, 1625, which granted the patriarch the right to judge the clergy and people of the patriarchal estate “in all administrative and spiritual matters”. Similarity and differences in the charters of the 1620s to Novgorod and Kazan’ metropolitans, Ryazan and Kolomna archbishops are emphasized. Documents on the relationship between church bishops and governors, who also had the right to local judicial power, are being studied. The characteristics of the “Church-Judicial Determinations” — the compositions of the Novgorod Metropolitan Cyprian are given. The paper analyzes the changes in the implementation of the church court that appeared in the early 1640s and in connection with the adoption of the Law Code of 1649. The article concludes about the ordering of the court with the people of the church, the “equalization” of judicial rights on the claims of service people and the desire to limit church jurisdiction exclusively to the affairs of the spiritual court. The work may be of interest to historians studying the problems of the evolution of the church court in Russia in different historical times.

Keywords: Church court, letters of commendation, spiritual affairs, Patriarch Filaret, Metropolitan Cyprian of Novgorod, Law Code of 1649.

For citation: Kozlyakov V. N. The Evolution of the Church Court in Russia in the First Half of the XVII Century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 4 (77):7–19. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.001.

Практика церковного суда была древней и восходила к нормам византийских памятников права, сборника Номоканонов и Кормчих книг, а перечень духовных дел раскрывался в древнерусских княжеских уставах и постановлениях Стоглавого собора 1551 года [Неволин, 1859 ; Ярушевич, 1917]. В Стоглаве содержался прямой запрет светским властям судить дела «святительского» суда: «Князю и бояром, и судиям не прощено есть от закона Божия вступатися в те суды». Тиунам было приказано «судов церковных не обидети», а держаться прежнего порядка, уплачивая с «судов градских» традиционную дань: девять частей — князю, а десятую — церкви и митрополиту [Стоглав, 2015, с. 171]. Действительно, в жалованной грамоте Ростовскому и Ярославскому архиепископу Никандру от 5 января 1555 года подтверждались его широкие права в области суда и устанавливалась полная экстерриториальность архиепископа и его приказных людей при рассмотрении духовных дел: «...а наши наместницы и воеводы, и их тиуны, и всякие наши приказные люди архиепископских приказных людей и у десятильников и у всяких архиепископских приставов в их духовные святительские суды и в церковных во всяких людей ни хто ни в кого не вступается, и в духовных делех не судит ни хто ни в чем никоторыми делы» [цит. по: Стрельников, 2003, с. 45].

В связи с общей перестройкой института центрального и местного управления на рубеже XVI и XVII веков, отменой кормлений и появлением первых воевод и осадных голов на местах, традиция суда наместников и тиунов ушла в прошлое. Каким же образом перечисленные изменения сказались на церковном суде? О сложности этой проблемы достаточно давно высказался Б. Д. Греков в опубликованном в 1914 году исследовании о новгородском Софийском доме. Он называл «мысль об упорядочении церковного суда» в XVI–XVII веках «наиболее беспокойным вопросом церковной истории» [Греков, 1914, с. 134]. К сожалению, возможности изучения судебных источников ограничены состоянием патриаршего и архиерейских архивов XVII века. Большинство документов церковного суда оказалось утеряно или «распылено» по собраниям коллекционеров

еще в XIX веке. Поэтому для раскрытия принципов функционирования церковного суда приходится использовать в первую очередь памятники законодательства и жалованные несудимые грамоты, а не делопроизводственные источники о суде и следствии в духовных приказах.

Цель настоящей работы состоит в изучении процесса эволюции церковной юрисдикции в первой половине XVII века. Каково было содержание судебных прав церкви, оставалось ли оно таким же, каким было до Смутного времени, или подверглось изменениям после воцарения Михаила Федоровича в 1613 году? Как архиереи охраняли права своего церковного суда от вмешательства воевод на местах? Какие перемены в церковном суде вводились в Соборном уложении 1649 года?

О переменах в церковном суде можно судить, прежде всего, на основании несудимых жалованных грамот патриархам. Сохранились тарханно-несудимые грамоты царя Бориса Годунова от 27 февраля 1599 года патриарху Иову (с подтверждениями 1607, 1613 и 1624 годов), царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I) патриарху Игнатию от 15 сентября 1605 года (документ повторял текст грамоты 1599 года и не содержал никаких подтверждений), а также жалованная грамота царя Михаила Федоровича патриарху Филарету 1625 года. Грамота царя Бориса Годунова, выданная патриарху Иову 27 февраля 1599 года, продолжала традицию церковного управления. Ее основу составлял текст жалованной грамоты царя Ивана Грозного митрополиту Афанасию от 20 июня 1564 года (с подтверждениями другим митрополитам 1569, 1574, 1584 и 1587 годов). Боярам «и по городом» наместникам, волостелям и их тиунам запрещалось судить живших в Москве и в патриарших вотчинах, «которого города в уезде не буди», людей церкви и их крестьян во всех делах, «оприч душегубства». Не допускалось проведение следственных действий в отношении монастырских властей, монахов и священников, живших в патриаршей вотчине, а также людей и крестьян патриарха Иова: «...а наши неделщики по тех его архимаритов, и игуменов и священников, и старцов, и по их слуг, и по патриарших детей боярских, и по их людей и крестьян не ездят, и на поруки их не дают, и сроков на них не наметьвают» [Акты феодального землевладения ... , 1961, ч. 3, № 37, с. 70 ; № 11, с. 29–30 ; № 48, с. 83–85].

В жалованной грамоте 1599 года особо оговаривалось, что в исках посадских людей и владельческих крестьян «судит их отец наш Иев патриарх или приказные люди» [Акты феодального землевладения ... , 1961, ч. 3, № 37, с. 70]. О порядке действий в случае, если истцами были представители высших чинов, например, служилые люди государева двора, дворяне и дети боярские, в грамоте ничего не говорилось. При расследовании грабежей и воровства и подозрениях в преступлении патриарших людей у царских судей должна была возникать необходимость проведения расследования и совместного суда. Об этом свидетельствует конфликт, возникший в Нижнем Новгороде после жалобы монастырских властей патриаршего Благовещенского монастыря на воеводу Леонтия Ивановича Аксакова, посылавшего приставов «во всяких поклепных делех» и «насилством» судившего монахов и монастырских крестьян. В указной царской грамоте, отправленной «с прочетом» нижегородскому воеводе 15 июля 1597 года (с подтверждениями 1599, 1608 и 1614 годов), пределы юрисдикции патриарха Иова по отношению к людям патриаршей области толковались не так широко, как в грамоте 1599 года. Из ведения патриарха, кроме дел о «душегубстве», были изъяты еще и дела о разбое и «татьбе с поличным». Обоснованием тому была челобитная самого патриарха Иова, ссылавшегося на выданную ему ранее жалованную грамоту, «что ево патриаршеских монастырей архимаритов, и игуменов, и детей боярских, и крестьянских, и монастырских по городом наместникам нашим и воеводам и всяким приказным людям не судити ни в которых делех и приставов не посылати, оприч розбоя и тадбы с поличным» [Там же, № 32, с. 63]. Выделение дел о разбое и татьбе с поличным, по справедливому мнению исследователя истории церковного суда отца Николая (Ярушевича), было связано с существованием «сместного суда» представителей царя и патриарха [Ярушевич, 1917, с. 333–334, 342–344, 384–385]. Исключительно в патриаршем суде должны были рассматриваться только «поклепные» дела о ссорах и небольшом ущербе, в которых царская грамота запрещала «рудити» (нарушать) прежний порядок.

Жалованная грамота патриарху Филарету, выданная 20 мая 1625 года (с подтверждением 1657 года), также поручала патриарху и его представителям суд над людьми, жившими на патриарших землях «во всяких управных и духовных делах». В этой грамоте патриарху содержалось упоминание об исключении из ведения патриарха «разбойных, татинных и кровавых дел». Остальные же судебные права патриарха Филарета охранялись от постороннего вторжения: «А наши бояре и дворецкой наш, и по городам воеводы и наместницы наши, и их тиуны и всякие приказные люди тех городов отца нашего великаго государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси патриаршества монастырей и церковный всяких людей не судят ни в чем и не ведают, и приставов по них ни в чем не посылают, оприч разбоя и душегубства

и татбы с поличным и смертных и кровавых дел» [Собрание государственных грамот ... , 1822, с. 275–277 ; Ярушевич, 1917, с. 333–334, 342–344, 384–385]. Такие правила устанавливались на значительной территории Русского государства, входившей в патриаршую область, куда относились: Москва и ближайшие к столице Звенигород, Рузу, Волок Ламский, Можайск, Дмитров, Серпухов, города и уезды Замосковского края (Владимир, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский, Кострома, Галич, Плес, Кинешма, Лух, Юрьево, Нижний Новгород, Арзамас, Балахна, Гороховец, Ржева Владимирова), «от Немецкой украины» (Торопец), Понизовые (Алатырь, Курмыш, Темников, Ядрин), Приокские (Боровск, Мосальск), Северские (Брянск, Карачев, Севск, Комарицкая волость, Путивль), Польские (Курск, Рыльск, Оскол, Белгород, Валуйки), Поморье (Кайгородок, Пинега, Кеврола, Мезень) и Вятка с пригородами.

Дела людей церкви в различных епархиях рассматривались в архиерейских судах. Жалованные грамоты митрополитам, архиепископам и епископам содержали сходные определения подсудности дел. Например, в жалованной несудимой грамоте Новгородскому митрополиту Варлааму, выданной 30 сентября 1598 года, говорилось: «...и наши бояре и наместники, и наши Ноугородцкие и Великолутцкие и пригородцкие воеводы, и дьяки наши, и судьи, и всякие приказные люди, и волостели, и их тиуны, тех его людей и крестьян не судят ни в чом, опричь душегубства и розбоя с поличным» [Дополнения к актам историческим ... , 1846, с. 252]. Далее в несудимой грамоте царя Бориса Годунова митрополиту Варлааму описывались правила «суда сместного» и льготы, защищавшие митрополичьи земли от действий представителей светской власти. Получение грамоты было связано с выделением особой Псковской епархии (с 1589 года) и необходимостью разделения в церковном управлении прежней общей территории Новгородской митрополии. Видимо, поэтому в жалованной грамоте митрополиту Варлааму отдельно не упоминалось о суде по духовным делам, так как это положение входило в другие жалованные и несудимые грамоты новгородским архиереям и не нуждалось в дополнительных оговорках и изменениях.

О значимости духовных дел в структуре митрополичьего суда говорилось в царской жалованной грамоте от 8 февраля 1622 года Новгородскому митрополиту Макарию по поводу возвращения Двины, Холмогор, Каргополя, Турчасово и Ваги с уездами в состав Новгородской митрополии. Грамотой заканчивалась долгая история, связанная с «наказанием» Иваном Грозным новгородских архиереев после разгрома Новгорода опричными войсками в 1571 году. Возвращение Двины и Поморья в состав Новгородской митрополии должно было состояться еще по жалованной грамоте царя Василия Шуйского Новгородскому митрополиту Исидору «114 года» (1606), однако в условиях Смуты это решение оказалось неисполненным, монастыри и церкви Поморской земли вели дела и платили пошлыны в Вологодской епископии. Жалованная грамота от 8 февраля 1622 года возвращала прежнее подчинение монастырских властей, священников и клира на этой территории суду новгородских митрополитов «во всяких делех по нашему царьскому указу, и по соборному уложению, и по прежнему обычаю, как было изстари» [Акты, собранные в библиотеках ... , 1836, т. 3, № 123, с. 171], и не допускала наместникам, волостелям, приказчикам дворцовых сел и черных волостей вступаться в церковный суд митрополичьих десятильников или посылать приставов по духовным делам. Отдельно в грамоте было упомянуто о суде самого митрополита и его представителей над теми церковными людьми, которые «чинят безчинство». Речь шла о сопротивлении при сборе пошлын и разборе духовных дел, воеводам и приказным людям запрещалось каким-либо образом вторгаться в «их духовные святительские суды». В своих семейных делах все представители новгородской светской администрации и служилые люди были поставлены в прямую зависимость от власти новгородских владык наряду с местными жителями: «А которые наши бояре и воеводы, и околничие, и дворяне и дети боярские, и наших дворцовых сел и черных волостей прикащики, тех всех городов Новгородских митрополии, или которые посадские люди и уездные всякие женятся в родстве, и в кумовстве, и в сватовстве, и тех всех людей во всяких духовных делех судит и росправу чинит во всем богомолец наш Макарей, Митрополит Великого Новагорода и Великих Лук, и его приказные люди и десятильники» [Акты, собранные в библиотеках ... , 1836, т. 3, № 123, с. 172].

В новой царской грамоте митрополиту Макарию от 6 августа 1623 года, подтверждавшей прежние пожалования новгородским архиереям, снова говорилось об общем запрете воеводам, дьякам, судьям и «всяким приказным людям», волостелям и тиунам вступаться в дела митрополичьего суда над людьми новгородского Софийского дома, «опричь душегубства и розбоя и татбы с поличным». Суд же по духовным делам в епархии касался уже всех монастырских властей, священников и других людей, живших на территории Новгородской епархии: «...и архимаритов и игуменов с братьею, и слуг и крестьян, и протопопов, и попов и дьяконов и весь причет церковный, ведать и судить во всяких духовных делех: а мирских посадских и волостных ведати ж и судити в

духовных делех, по нашему государьскому указу и по соборному уложению, по прежней и по сей нашей государьской жалованной грамоте» [Акты, собранные в библиотеках ... , 1836, т. 3, № 139, с. 196–200].

Одновременно с новгородской грамотой 5 марта 1623 года была выдана жалованная грамота Рязанскому архиепископу Антонию. Она также подтверждала прежние пожалования и судебные льготы. В ведении архиепископа Антония оставался суд над людьми Рязанского архиерейского дома. Наместникам, волостелям и дворцовым приказчикам (отсутствие в этом перечне воевод говорит о копировании прежней грамоты) запрещалось по каким-либо делам судить («не судят ни в чем») архиепископских «приказных людей и детей боярских и подьячих и певчих дьяков и всяких служебников». Отдельно оговаривался запрет «резанским целовальникам и выборным судьям» вторгаться в архиепископский суд по делам «всяких резанских жилетцких людей архиепископъей посадской слободы» [Русская историческая библиотека ... , 1875, т. 2, № 131, стб. 417–418]. Суммируя судебные права архиепископа, в жалованной грамоте упоминали уже не только наместников, но и воевод, которым не разрешалось вмешиваться в суд людей Рязанского архиерейского дома и крестьян, живших в домово́й вотчине.

Однако были и исключения. По искам бояр и местных дворян («какова дела не буди») к людям рязанского архиепископа, «в суде к ответу» назначались три срока рассмотрения дел: Рождество Христово (25 декабря), Троицын день (50-й день после Пасхи) и день Семена Летопроводца (1 сентября). В этом случае приказные люди рязанского архиерея и домовые крестьяне подлежали суду Приказа Большого дворца. Монастырские власти, священники и церковный причт, жившие в Рязанской епархии, ведались архиепископом Антонием «во всяких духовных делех», в то время как посадских людей и крестьян он судил не только в духовных делах, но и «в безчинствах». Так же, как в Великом Новгороде, в архиерейском суде рассматривались все дела о свадьбах «в родстве и в кумовстве и сватовстве». Все остальное относилось к светскому суду: «...а опричь духовных дел, никого и никаких людей ни в чем не судити» [Русская историческая библиотека ... , 1875, т. 2, № 131, стб. 418–424].

Следовательно, в жалованных грамотах Новгородскому и Рязанскому архиереям начала 1620-х годов вводился общий порядок, оставлявший им право суда исключительно в своей домово́й вотчине. Остальное население подлежало церковному суду только по духовным делам. Об утверждении подобного разделения церковного суда и в других епархиях свидетельствуют жалованные подтвердительные грамоты Казанскому и Свияжскому митрополиту Матвею от 25 ноября 1626 года (с подтверждениями 1660, 1680 и 1683 годов) [Ермолаев, 1980, с. 89, с. 248–249] и грамота, выданная 23 сентября 1627 года Коломенскому и Каширскому епископу Рафаилу «против», то есть по образцу грамот «иных наших богомолцев, митрополитов и архиепископов» [Русская историческая библиотека ... , 1875, т. 2, № 137, стб. 436]. В них содержался прямой запрет воеводам вмешиваться в суд епископа над людьми своей домово́й вотчины: «...бояре наши и воеводы и дьяки приказных ево митрополичих и всяких чинов людей и волостных крестьян не судят ни в чем опричь душегубства, разбоя и татбы с поличным» [Покровский, 1906, с. XV–XVIII]. В грамоте Коломенскому и Каширскому епископу Рафаилу такой же текст начинался со слов: «...кто будет на Коломне воевод наших и наших приказных людей...» [Там же, стб. 439]. В Рязанской и Коломенской епархиях делались исключения по искам бояр и служилых людей к людям архиерейских домов: такие ходатайства рассматривались на срок в Рождество, Троицу и день Семена Летопроводца в Приказе Большого дворца. Из-за отдаленности Казани с подобными исками знакомились на месте, используя те же три срока. Повсюду ведению архиереев и их представителей подлежали духовные дела (в коломенской грамоте добавлены «безчинства») людей церкви всей митрополии или епархии, а также свадьбы «в родстве, и в кумовстве и в сватовстве» (в рязанской и коломенской грамотах). По словам жалованной грамоты Коломенскому архиерею, «в их духовные святительские суды и в церковной во всякой чин никто ни в кого не вступаетца, и в духовных делех не судит никто ни в чем ни которыми дель» [Русская историческая библиотека ... , 1875, т. 2, № 137, стб. 442–443].

Наряду с патриархом и архиереями жалованные несудимые грамоты выдавались крупным монастырям и соборным храмам. В этом случае получалось пересечение церковных юрисдикций на территории патриаршей области и определенных епархий. Согласно Стоглаву, вопрос о церковном суде решался в пользу правящих архиереев, чей суд должен был стоять выше монастырского: «...а судити святителем соборне по священным правилам коемуждо в своей области» всех церковных людей «в духовных делех и во прочих, опричь душегубства и разбоя с поличным, или кому повелят судити, а не от мирских» [Стоглав, 2015, с. 171 ; Ярушевич, 1917, с. 229–231, 368–369]. Однако при подтверждении старых несудимых грамот монастырям и соборам прежние привилегии по суду над монастырским клиром и духовенством церковью оставались неизменными. Более того, как отмечала

М. С. Черкасова, анализируя административно-судебный иммунитет Троице-Сергиева монастыря, иногда монастырский суд превышал возможности архиерейского суда, включая в свое ведение тяжкие уголовные преступления. И это право, сопровождавшееся созданием особой губной организации в Троицкой вотчине, укоренилось достаточно прочно и практически не менялось вплоть до начала XVIII века [Черкасова, 2004, с. 239–271].

Аналогичным образом тяжкие дела «о душегубстве, разбое и татьбе с поличным», обычно изъяты из церковной подсудности, расследовались протопопами кремлевских Успенского и Архангельского соборов. В жалованной грамоте протопопу Дмитрию Московского Архангельского собора, выданной царем Борисом Годуновым 20 июня 1601 года, говорилось: «А учинитца у них в тех селех и в деревнях душегубство или разбой и татба с поличным з заволостными людми, и протопоп з братьею про то обыщет и управу в том меж их чинит, а в чем меж их управы учинить не мочно, и протопоп з братьею известит нашим бояром, и мы в том велим управу учинить. А имет искать их человек на их же человеке разбою или татбы с поличным, и протопоп з братьею, судив, доложат бояр наших. А во всем ведают и судят тех своих людей и крестьян протопоп з братьею сами или кому прикажут» [Маштафаров, 1997, с. 46–52]. Грамота 1601 года кремлевскому Архангельскому собору сначала была переписана на имя царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I) в 1605 году, а затем текст годуновской грамоты неоднократно подтверждался в 1607, 1613 и 1623 годах. Такой же порядок суда упоминается и в грамоте кремлевскому Успенскому собору, выданной 23 мая 1625 года протопопу Кондратию с братией [Акты исторические ... , 1841, т. 3, с. 209].

Судебно-иммунитетная политика в отношении монастырей и соборных храмов является отдельным предметом для изучения¹. Известные грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю от 15 марта 1622 года, Тихвинскому Введенскому монастырю от 29 июня 1626 года, опубликованные в «Актах исторических, собранных и изданных Археографической комиссией», показывают, что монастырские власти обычно «ведали и судили» своих слуг и крестьян «во всяких делех», исключая «душегубство, разбой и татьбу с поличным». В этих грамотах также закреплялись три срока исков по суду к людям монастырской вотчины: в Рождество Христово, Троицын день и день Семена Летопроводца. Эти положения были схожи с аналогичными нормами архиерейских жалованных грамот. В царской жалованной грамоте игуменье Агафье с сестрами, в соответствии с нормою Стоглава, устанавливалось, что «в духовных делах судит их богомolec наш, Макарей митрополит Новгородский и Великолуцкий, сам, или кому приказным своим людем прикажет» [Акты исторические ... , т. 3, № 142, с. 232 ; Стоглав , 2015, с. 180]. Но у монахинь Тихвинского монастыря была своя привилегия, связанная с использованием трех указных сроков рассмотрения дел.

Городовые воеводы, сталкиваясь с судебными льготами монастырей и церковью, стремились расширить права своего суда. В 127 (1618/1619) году пречистенский поп Устюжны Железопольской Феодосий с братией жаловались на воеводу Карпа Борисовича Навалкина за то, что он судил их «силою для своей корысти». В Приказе Устюжской чети подтвердили права соборного клира и запретили воеводе «рудити» несудимую грамоту, чтобы он «вперед в их монастырский суд не вступался и суда от них не отымал, опричь душегубства, розбоя и татбы с поличным» [Акты, собранные в библиотеках ... , 1836, т. 3, с. 186]. Примечательно, что власти Иосифо-Волоколамского монастыря, после получения жалованной грамоты от 15 марта 1622 года, через несколько месяцев снова обратились в Приказ сыскных дел с челобитной о составлении списка жалованной грамоты «с дьячьей приписью», чтобы, как было сказано в челобитной, «возити им по городом для наших воевод и приказных людей», и получили необходимый документ, переписанный «слово в слово» [Акты исторические ... , 1841, т. 3, с. 152–159, 230–233].

Упорядочение прав светского и церковного суда на местах в 1620-х годах оказалось сложным процессом: с одной стороны, существовала общая тенденция, связанная с увеличением значения царской власти в делах церкви, но с другой, продолжала действовать традиция, опиравшаяся на грамоты «прежних государей». В предисловии к публикации «Церковно-судебных определений» Киприана, митрополита Новгородского в 1626–1634 годах, одним из церковных историков середины XIX века говорилось о том, как «дух времени неудержимо стремился к ограничению светскою властию церковного ведомства» [Церковно-судебные определения Киприана ... , 1861, с. 339–340]. Однако сам текст этого редкого для того времени памятника, раскрывающего особенности архиерейского суда, показывает обратное стремление новгородского владыки отделить святительский суд по духовным делам от воеводского. В установлениях митрополита Киприана

¹ По этой теме см. указатель документов по фонду 281 «Грамоты Коллегии-экономи (коллекция)» Российского государственного архива древних актов, подготовленный на основе описания А. В. Антонова [РГАДА, Ф. 281 ; Антонов, 2016–2020].

заметна расширительная трактовка суда по челобитным «на церковника или на церковницу», дополненных упоминанием увечных («слепца», «хромца») и «призраемых» церковью «богаделенных людей». Митрополит Киприан подробно описал необходимость преследования «волхвов, кудесников и чародеев» и их «волхвований» («суботы рождественския или иванския и крещенския и великого четвертка седят и волхвуют, и огни кладут и через огонь скачут»), а также включил в дела церковного суда гадания и прочие суеверия и «басни». Митрополитом Киприаном упомянуты и традиционные духовные дела: «...кто кресты подсекает, или от церкви трески емлет» [Там же, с. 343, 348].

Деятельность митрополита Киприана — одного из заметных участников Смуты в Великом Новгороде и первого Тобольского архиепископа (с 1621 года) — давно привлекает внимание историков [Буцинский, 1890 ; Бахрушин, 1928, с. 2–5 ; Ромодановская, 1993 ; Архипова, 2004]. Он запомнился последовательным налаживанием церковно-административных дел в Сибири в начале 1620-х годов. Сведения о деятельности Киприана во главе Сибирской архиерейской кафедры вошли в Летописец новгородских архиереев XVII века: «...и слабость многую в беззаконных женитвах и в иных многих духовных делах исправил и утвердил, по правилу святых апостол и святых отец, и от многих неискусных людей многую молву и мятеж и тесноту терпел» [Полное собрание русских летописей ... , 1841, т. 3, с. 188]. В тексте памятника, включенного в Новгородскую вторую летопись, упоминалось об известном противостоянии Тобольского архиепископа Киприана с воеводою — боярином Матвеем Михайловичем Годуновым, которое закончилось отправкой специальных сыщиков для расследования деятельности воеводской администрации в главном сибирском городе.

Наказ архиепископу Киприану, выданный при назначении на Тобольскую кафедру, не сохранился; этот документ безуспешно пытались разыскать в Сибири еще в 1642 году. Согласно наказу преемнику архиепископа Киприана, Тобольскому архиепископу Макарию, выданному в 1625 году, сибирским архиереям был поручен суд по духовным делам духовенства и местных жителей, куда запрещалось вторгаться воеводам. Однако тобольские архиепископы, как во времена архиепископа Киприана, так и позже, участвовали в светском управлении Сибирью, а их полномочия распространялись далеко за пределы управления делами одного Тобольского архиерейского дома. Достаточно упомянуть, что в наказе Тобольскому архиепископу предписывалось «держати з боярином и воеводами и диаки совет о великих государевых делах, опричь кровных и убойственных дел», «мысль своя им во всякие дела давати... а тои боярские и воеводские мысли никак ни с кем не говорити» [цит. по: Иванов, 1850, с. 263–266].

Оказавшись в Тобольске, архиепископ Киприан доносил в Москву 10 сентября 1621 года: «...люди живут самоволно, у приказных людей в непослушании, а приказные люди дают им приманку для своего прибитка, а правым обычаем ничто не делается, как на Руси в иных городах». Не увидел он и помощников среди сибирского духовенства: «...попы — воры и бражники, да и быть им нельзя, только быть им по великой нужде, потому что переменить некем» [Буцинский, 1890, вып. 23, с. 643–644]. 11 февраля 1622 года архиепископу Киприану была отослана учительная грамота патриарха Филарета, обрисовывавшая яркую картину преступлений по духовным делам, которые следовало исправить новому архиерею. В патриаршей грамоте говорилось, что в Москве об этих беспорядках узнали «от воевод и от приказных людей, которые прежде сего бывали в Сибири» [Собрание государственных грамот ... , 1822, т. 2, с. 245–253]. Но, как показал П. Н. Буцинский, патриаршая грамота появилась после получения в Москве отписок Тобольского архиепископа и во многом воспроизводила его донесения. Архиепископу Киприану пришлось впервые создавать в Сибири структуры архиерейского суда и при этом преодолевать сопротивление не только тобольских, но и других воевод и сибирских жителей [Буцинский, 1890, вып. 23, с. 645–647, 661–665].

Управление митрополитом Киприаном Новгородской кафедрой в 1626–1634 годах оставило впоследствии противоречивую память, связанную с обвинениями архиерея во властолюбии и разных злоупотреблениях. В начатом в конце 1633 года деле митрополита Киприана сохранились свидетельства о его сопротивлении попыткам изменения судебных прав Новгородской митрополии. По извету митрополичьего дьяка Гаврилы Афанасьева, в 138 (1629/1630) году в Великий Новгород была прислана царская грамота, изымавшая из ведения новгородского митрополита управные дела: «Да во 138 году прислана с Москвы государева грамота в Великий Новгород к митрополиту — не велено ему архимаритов, и игуменов, и строителей с братьею и слуг и крестьян монастырских ни в каких управных делах ведать... и судить и управу чинить» [цит. по: Зерцалов, 1896, с. 5–6]. Напомним, что подобное разделение на управные и духовные дела содержалось в грамоте патриарху Филарету 1625 года, следовательно, права Новгородской митрополии сокращались по

сравнению с патриаршей областью. Новгородский митрополит Киприан посчитал такое распоряжение нарушающим его судебные права, дарованные прежними грамотам новгородским архиереям. Поэтому, по словам дьяка Гаврилы Афанасьева, митрополит Киприан лишь на какое-то время подчинился этому указу об изъятии из его ведения управных дел, а потом снова вернулся к привычному порядку. Первым челобитчикам после получения этой грамоты было отказано в рассмотрении дел, но «немногое время спустя» митрополит снова стал распоряжаться о посылке приставов, «и ставя их в приказ, судить и управу меж ими по прежнему чинить» [Там же].

В воеводских наказах обычно подробно расписывались судебные полномочия воевод, но редко содержались прямые предупреждения о разделении светского и церковного суда. Подобное предостережение встречается в наказе великоустюжскому воеводе Степану Лукьяновичу Хрущову от 21 февраля 1635 года. Сначала в этом документе приводился перечень обычных действий воевод при смене власти в городах и уездах (прием города, укреплений и казны, составление росписи дел). Далее в наказе говорилось об обязанностях воеводы «устюжан посацких людей и волостных крестьян судить и росправа и чинить меж ими чинить вправду» и собирать налоги. Воевода был обязан разбирать исковые дела разных людей, подававших челобитные, и действовать справедливо, «а не по посулам виноватого правым, а правого виноватым не ставить» [цит. по: Пугач, Попова, 2007, с. 241–259]. Если же суд по «спорным большим делам» был невозможен на месте, тогда воеводе следовало обращаться в Приказ Устюжской четверти. Ему запрещалось вступаться в духовные дела, которыми ведал Ростовский и Ярославский митрополит Варлаам (отдельная Великоустюжская епархия появилась только в 1682 году): «Да и самому Степану, будучи на Устюге, никакова насилства и налог не чинить, и в духовные дела он не вступа[е]тца, и все дела и монастырские и всяких церковных причетников ведает Варлаам, митрополит ростовский и ярославский, или кому он прикажет на Устюге духовные дела ведать» [Там же]. Впрочем, формулировки воеводской инструкции допускали расширительное толкование, поэтому источником недоразумений мог быть и сам Приказ, отправлявший на службу городских воевод. Великоустюжскому воеводе было велено наблюдать за «благочинием» местного населения: «...всяких посадцких и уездных людей устюжан от воровства унимати» [Там же], что могло приводить к смешению в воеводском суде «татинных и разбойных» дел с делами духовными.

Случаи пересечений светской и церковной судебных юрисдикций, конечно, оставались нередкими. Правила церковного суда со стороны выглядели запутанными и малопонятными. Исследователь истории Монастырского приказа М. И. Горчаков называл «состояние судебно-гражданских отношений в монастырских и церковных вотчинах» исторически сложившейся «неурядицею» [Горчаков, 1868, с. 61]. В качестве одного из показательных примеров столкновений архиерейских людей с воеводами можно привести челобитную архиерейского певчего дьяка Григория Андреева, пожаловавшегося 26 апреля 1636 года Вологодскому архиепископу Варлааму на воеводу Леонтия Степановича Плещеева. Согласно этому документу, воевода Плещеев заставлял певчего свидетельствовать в деле против дьякона, якобы неверно «кликавшего» многолетие царевичу Алексею Михайловичу. Случай, о котором архиерейского певчего допрашивал воевода, произошел за несколько лет до начала разбирательства. Григорий Андреев просил записать его явку и признание, потому что воевода угрозами заставил его подписаться под распросными речами, даже не показав их ему. Челобитчик боялся, что к его словам будут прибавлены лишние, которых он не говорил: «...а тех, государь, моих речей прочести воевода мне не дал, и загрозив силно и велел мне руку приложить у той записки назади и у конца. И я, убоясь его побои, и приложил руку, а не ведаю, государь, что у него в той записке написано» [ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 214. Л. 1]. Певчий дьяк Григорий Андреев просил защиты у Вологодского архиепископа, чтобы остановить самоуправство воеводы. Рассматриваемая челобитная, кстати, демонстрирует возможности давления воевод для получения нужных им свидетельств. Неслучайно знаменитая «плещеевщина», как говорили впоследствии о деятельности Леонтия Плещеева во главе Земского приказа в Москве, стала одной из причин расправы с ним в дни московского мятежа в начале июня 1648 года.

Наиболее заметные перемены в делах церковного суда были связаны с принятием Соборного уложения 1649 года [Архангельский, 1881]. Оно подтверждало особую подсудность «патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян» (гл. XII, ст. 1–3). Но самым запоминающимся решением собора стало введение Монастырского приказа (гл. XIII, ст. 1–7). Первые подступы к упорядочению суда с людьми церкви были сделаны еще в 1641 году, после коллективной челобитной дворян и детей боярских, требовавших справедливого суда, прежде всего, в делах сыска беглых крестьян. Служилые люди протестовали против трех сроков в Семенов день, Рождество и Троицын день, когда принимались их иски к архиереям и монастырям. Во многом просителям пошли навстречу и ввели бессрочное обращение по таким искам, но с сохранением прежней подсудности

церковных людей [Смирнов, 1915, с. 1–73]. К тому же времени относился указ, определявший, что монастырские слуги и крестьяне должны целовать крест по искомым челобитным, а монастырским властям, священникам и церковному клиру разрешалось решать дела жребием «по преданию святых апостол и по правилу святых отец» [Законодательные акты ... , 1986, № 282, с. 193]. Потом эта норма вошла в Соборное уложение 1649 года, где объяснялось, что «крестному целованию не быть, для того только архимариту, и игумену, и попу и дьякону, или в их место кому крест целовать, и тому не священствовать». Дополнительно вводилось правило, позволявшее «мирским людям» в их исках к «духовного чину людей» не полагаться исключительно на «веру и жеребей», а «допрашивать патриарху, и митрополитом и архиепископом, и епископом священнического чину по священству, а иноков по иноческому обещанию, и тем бы судные дела вершить». Выбор, как решать дела — «по жеребью ли или по святительскому допрашиванию», — оставался за челобитчиками (гл. XIII, ст. 4–6) [Соборное уложение 1649 г. ... , 1987, с. 69–70, 240–246]. Вполне возможно, что это означало определенный компромисс в пользу сохранения существовавшего ранее порядка церковного суда. М. И. Горчаков высказался по этому поводу особенно эмоционально: «Вот что оставлено судебно-гражданской власти церкви, до Уложения столь широкой!» Комментаторы Соборного уложения подчеркнули, что «именно это обстоятельство служило причиной противоречий между светскими и церковными судебными властями» [Горчаков, 1868, с. 75–76].

Таким образом, история церковного суда в первой половине XVII века отражает происходивший процесс преобразований судебного иммунитета церкви и взаимоотношений представителей светской и церковной власти на местах. В это время церковный суд занимался в основном несложными делами. Больше других в «выравнивании» прав церковного суда были заинтересованы служилые люди, чьи иски к людям и крестьянам архиерейских вотчин рассматривались только трижды в год. Соборное уложение 1649 года изменило порядок рассмотрения таких исков, хотя подобные нововведения не распространялись на патриаршую домовую вотчину. Как раньше, так и после принятия Уложения духовные дела оставались в исключительной юрисдикции патриаршего и архиерейского суда.

Список источников

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. 3. 1613–1645. — 501 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. — СПб., 1836. — Т. 3. 1613–1645. — 496 с.
3. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / сост. Л. В. Черепнин. — М., 1961. — Ч. 3. — 443 с.
4. Антонов А. В. Описание грамот Коллегии экономии / сост. А. В. Антонов. — М., 2016–2020. — Т. 1 : А–И. — 1192 с. ; Т. 2 : К–Р. — 1392 с. ; Т. 3 : С–Я. — 1137 с.
5. Архангельский М. О Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. в отношении к православной церкви // Христианское чтение. — 1881. — № 7–8. — С. 42–134.
6. Архипова М. Д. Киприан Старорушанин — деятель Русской православной церкви и духовной культуры первой трети XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.06.02. — Воронеж, 2004. — 22 с.
7. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — М., 1928. — 199 с.
8. Буцинский П. Н. Открытие тобольской епархии и первый тобольский Архиепископ Киприан // Вера и разум. — 1890. — Вып. 21. — С. 555–578 ; Вып. 23. — С. 639–672.
9. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). — Ф. 1260. — Оп. 1. — Д. 214. — 1 л. — URL : <https://gosarchive.gov35.ru/archive1/unit/315188#3> (дата обращения: 17.03.2022).
10. Горчаков М. И. Монастырский приказ (1649–1725 г.): опыт историко-юридического исследования. — СПб., 1868. — 455 с.
11. Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). — СПб., 1914. — 687 с.
12. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. — СПб., 1846. — Т. 1. — 435 с.
13. Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI–XVII веков. — Казань, 1980. — 261 с.
14. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII вв. Тексты. — Л., 1986. — 261 с.
15. Зерцалов А. Н. О «неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана (1627–1633 гг.) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. — 1896. — Кн. 1. — С. 1–28.
16. Иванов П. И. Описание государственного архива старых дел. — М., 1850. — 406 с.

17. Машгафаров А. В. Жалованные грамоты Кремлевского Архангельского собора 1463–1605 года // Русский дипломатариум. — 1997. — Вып. 2. — С. 46–52.
18. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. — СПб., 1859. — Т. 6. — 643 с.
19. Ярушевич Н., иер. Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.) // Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древне-русском церковном суде. Историко-каноническое исследование. — Пг., 1917. — 666 с.
20. Покровский И. М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 года: церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование (В память 350-летия существования Казанской епархии, 1555–1905 гг.). — Казань, 1906. — 803 с.
21. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической Комиссией. — СПб., 1841. — Т. 3. — 308 с.
22. Пугач И. В., Попова О. А. Нормативные документы местного управления в Великом Устюге в 30-е годы XVII века // Великий Устюг : краевед. альм. — 2007. — Вып. 4. — С. 241–259.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 281. — URL : [http://rgada.info/poisk/db.php?fund_number=281&opisanie=Грамоты%20Коллегии-экономи%20\(коллекция\).&Sk=30](http://rgada.info/poisk/db.php?fund_number=281&opisanie=Грамоты%20Коллегии-экономи%20(коллекция).&Sk=30) (дата обращения: 17.02.2022).
24. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. — СПб., 1875. — Т. 2. — 1228 стб.
25. Ромодановская Е. К. Киприан Старорусенков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1993. — Вып. 3 (XVII в.), ч. 2 : И–О. — С. 156–163.
26. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел. — М., 1822. — Т. 3. — 556 с.
27. Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. — 1915. — Кн. 3. — С. 1–73.
28. Соборное уложение 1649 г.: текст, комментарии. — Л., 1987. — 448 с.
29. Стоглав : текст, словоуказатель / подгот. Е. Б. Емченко. — М. ; СПб., 2015. — 318 с.
30. Стрельников С. В. Ростовские акты XV–XVI вв. // Русский дипломатариум. — 2003. — Вып. 9. — С. 38–47.
31. Церковно-судебные определения Киприана, митрополита новгородского // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. — 1861. — Ч. 3. — С. 335–348.
32. Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). — М., 2004. — 395 с.

References

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej* [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, 1841, vol. 3. 1613–1645, 501 p. (In Russian).
2. *Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskoy jekspedicii Imperatorskoj Akademii Nauk* [Acts Collected in Libraries and Archives of the Archeographic Expedition of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1836, vol. 3. 1613–1645, 496 p. (In Russian).
3. Cherepnin L. V. (comp.). *Akty feodal'nogo zemlevladieniya i hozjajstva XIV–XVI vekov* [Acts of Feudal Landowning of the 14th–16th Centuries]. Moscow, 1961, part 3, 443 p. (In Russian).
4. Antonov A. V. *Opisanie gramot Kollegii jekonomii* [Charters of the Board of Economy]. Antonov A. V. (comp.) Moscow, 2016–2020, vol. 1 : A–I, 1192 p. ; vol. 2 : K–R, 1392 p. ; vol. 3 : S–Ja, 1137 p. (In Russian).
5. Arhangel'skij M. The 1649 Council Code of Tsar Aleksey Mikhailovich: on Orthodox Church. *Hristianskoe chtenie* [Christian Read]. 1881, no. 7–8, pp. 42–134. (In Russian).
6. Arhipova M. D. *Kiprian Starorushanin — dejatel' Russkoj pravoslavnoj cerkvi i duhovnoj kul'tury pervoj treti XVII veka* [Kiprian Starorushanin, the Russian Orthodox Church and the Spiritual Culture of the 17th Century]. Voronezh, 2004, 22 p. (In Russian).
7. Bahrushin S. V. *Ocherki po istorii kolonizacii Sibiri v XVI i XVII veka* [Essays on the Colonization of Siberia in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, 1928, 199 p. (In Russian).
8. Bucinskij P. N. Tobolsk Eparchy and the First Tobolsk Archpriest Kiprian. *Vera i razum* [Belief and Rationality]. 1890, iss. 21, pp. 555–578 ; iss. 23, pp. 639–672. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti* [State Archive of the Vologda Region]. F. 1260, Op. 1, D. 214, 1 l. Available at : <https://gosarchive.gov35.ru/archive1/unit/315188#3> (accessed: 17.03.2022). (In Russian).
10. Gorchakov M. I. *Monastyrskij prikaz (1649–1725 goda): opyt istoriko-juridicheskogo issledovanija* [Monastic Decree (1649–1725): historical and legal research]. St. Petersburg, 1868, 455 p. (In Russian).
11. Grekov B. D. *Novgorodskij dom Svjatoj Sofii (Opyt izuchenija organizacii i vnutrennih otnoshenij krupnoj cerkovnoj votchiny)* [Novgorod House of Saint Sophia (Investigating the Organization and Internal Connections within Church Domain)]. St. Petersburg, 1914, 687 p. (In Russian).

12. *Dopolnenija k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arheograficheskoj komissiej* [Supplements to the Acts of Historical, Collected and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, 1846, vol. 1, 435 p. (In Russian).
13. Ermolaev I. P. *Kazanskij kraj vo vtoroj polovine XVI–XVII vekov* [The Kazan Region I the Second Half of the 16th–17th Centuries]. Kazan, 1980, 261 p. (In Russian).
14. *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI — pervoj poloviny XVII vekov* [Legal Acts of the Russian State of the Second Half of the 16th—First Half of the 17th Century]. Leningrad, 1986, 261 p. (In Russian).
15. Zercalov A. N. On Falsehoods of Novgorod Metropolitan Kiprian (1627–1633). *Chtenija v Imperatorskom Obshhestve Istorii i Drevnostej Rossijskih pri Moskovskom Universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities of Moscow University]. 1896, b. 1, pp. 1–28. (In Russian).
16. Ivanov P. I. *Opisanie gosudarstvennogo arhiva staryh del* [The State Archive of Old Cases]. Moscow, 1850, 406 p. (In Russian).
17. Mashtafarov A. V. Awards of the Kremlin Archangel Cathedral, 1463–1605. *Russkij diplomatarij* [Russian Diplomacy]. 1997, iss. 2, pp. 46–52. (In Russian).
18. Nevolin K. A. *Polnoe sobranie sochinenij* [Collected Works]. St. Petersburg, 1859, vol. 6, 643 p. (In Russian).
19. Jarushevich N., priest. The Ecclesiastical Court in Russia before the 1649 Council Code of Tsar Aleksey Mikhailovich: on Orthodox Church. *Opyt izuchenija vselenskij i mestnyh nachal i ih vzaimootnoshenij v drevne-russkom cerkovnom sude. Istoriko-kanonicheskoe issledovanie* [The Universal and the Local in the Old Russian Ecclesiastical Court. Historical Research]. Petrograd, 1917, 666 p. (In Russian).
20. Pokrovskij I. M. *Kazanskij arhiereskij dom, ego sredstva i shtaty preimushhestvenno do 1764 goda: cerkovno-arheologicheskoe, istoricheskoe i jekonomicheskoe issledovanie (V pamjat' 350-letija sushhestvovanija Kazanskoj eparhii, 1555–1905 gody)* [The Kazan Archpriest's House: maintenance and staff till 1764: archeological, historical and economic investigation (Commemorating the 350th Anniversary of the Kazan Eparchy, 1555–1905)]. Kazan, 1906, 803 p. (In Russian).
21. *Polnoe sobranie russkij letopisej, izdannoe po Vysochajshemu povelenu Arheograficheskoj Komissiej* [Complete Collection of Russian Chronicles Issued by the Imperial Archeographic Commission]. St. Petersburg, 1841, vol. 3, 308 p. (In Russian).
22. Pugach I. V., Popova O. A. Local Normative Documents of Veliky Ustyug in the 1630s. *Velikij Ustjug : ravedcheskij al'manah* [Veliky Ustyug: Almanac of Local Studies]. 2007, iss. 4, pp. 241–259. (In Russian).
23. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 281. Available at : [http://rgada.info/poisk/db.php?fund_number=281&opisanie=Gramoty%20Kollegii-jekonomii%20\(kollekcija\).&Sk=30](http://rgada.info/poisk/db.php?fund_number=281&opisanie=Gramoty%20Kollegii-jekonomii%20(kollekcija).&Sk=30) (accessed: 17.02.2022). (In Russian).
24. *Russkaja istoricheskaja biblioteka, izdavaemaja Arheograficheskoj komissiej* [Russian Historical Documents Issued by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, 1875, vol. 2, 1228 stb. (In Russian).
25. Romodanovskaja E. K. Kiprian Starorusyjenkov. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [A Dictionary of Old Russian Scribes and Books]. St. Petersburg, 1993, iss. 3 (XVII v.), part 2 : I–O, pp. 156–163. (In Russian).
26. *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranjashhihsja v Gosudarstvennoj Kollegii Inostrannyh Del* [Collected Charters and Contracts Stored in the State Board of International Affairs]. Moscow, 1822, vol. 3, 556 p. (In Russian).
27. Smirnov P. P. Petitions Issued by Russian Noblemen in the First Half of the 17th Century. *Chtenija v Imperatorskom Obshhestve Istorii i Drevnostej Rossijskih pri Moskovskom Universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities of Moscow University]. 1915, b. 3, pp. 1–73. (In Russian).
28. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [The 1649 Council Code]. Leningrad, 1987, 448 p. (In Russian).
29. Emchenko E. B. (comp.) *Stoglav* [The Book of One Hundred Chapters]. Moscow, St. Petersburg, 2015, 318 p. (In Russian).
30. Strel'nikov S. V. Rostov Acts of the 15th–16th Centuries. *Russkij diplomatarij* [Russian Diplomacy]. 2003, iss. 9, pp. 38–47. (In Russian).
31. Ecclesiastical and Juridical Definitions of Kiprian, the Metropolitan of Novgorod. *Pravoslavnyj sobesednik, izdavaemyj pri Kazanskoj duhovnoj akademii* [Orthodox Companion Issued by Kazan Ecclesiastical Academy]. 1861, part 3, pp. 335–348. (In Russian).
32. Cherkasova M. S. *Krupnaja feodal'naja votchina v Rossii konca XVI–XVII vekov (po arhivu Troice-Sergievoj Lavry)* [Feudal Landowning in Russia in the late 16th–17th Century (based on archival materials of the Trinity Lavra)]. Moscow, 2004, 395 p. (In Russian).

Информация об авторе

Козляков Вячеслав Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история России XVI–XVII веков, историография, источниковедение, история дворянства, генеалогия, культура, земское самоуправление, церковные архивы.

Information about the author

Kozlyakov Vyacheslav Nikolayevich — Doctor of History, Professor in the Department of Russian History, Historiography, and Source Studies of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: Russian history in the 16th–17th centuries, historiography, source studies, history of nobility, genealogy, culture, zemstvo, local government, church archives.

Статья поступила в редакцию 20.08.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 20.08.2022; accepted for publication 20.09.2022